

* * *

На озере Волчьем вечерние ветры ворчливы,
Не дуют, а кружат, как будто пропажу ища...
А может, ворчливы не ветры, а старые ивы —
И бог камышовый, что трется о полу плаща.

Полоска заката коснется воды, догорая,
И чья-то судьба — на мгновение только —
мелькнет:
Камыш порыжелый, да лодки резина сырая,
Да шепчущий что-то
не сдавшийся темени рот...

Ни тени удачи, манящей добычей грошовой,
Ни темного жара последней любви шальной.
Лишь темные воды,
да маленький бог камышовый,
Да вечное небо — в разрывах деревьев —
со мной...

Над волчьей водою качаются ивы устало,
Но дальше небо еще с темнотой не слилось.
И в редких просветах
простора щемящего мало,
А было бы много —
к чему бы так сердце рвалось...

* * *

Ты снилась мне, Река,
А я не знал, что снилась:
В груди, как у мыска,
Течение теснилось.

И все, как наяву,
Как наяву, бывало:
К тому мыску листву —
И луны прибывало...

Восторг... И боль. И злость.
Заката угасанье.
И незнакомых лоз
Знобящие касанья.

Смыкала льды тоска.
Даль полыньей дымилась...
Ты снилась мне, Река,
А я не знал, что снилась!

Смеялся. И тужил.
Шептал теченью: «Вытай!»
И тем теченьем жил,
Как крутояр подмытый...

* * *

Вовсе не глухи вода и камыш,
Немы лишь, немые лишь...
Что ж ты в потемках пришло и стоишь,
Озеро Немереж?

Я и не звал тебя — просто шептал
Что-то потерянно...
Так, как ольховник, когда облетал
В стынувшей темени.

Лист за листом — затихала листва,
О воду торкаясь.
Чтоб пожило в нас хоть час или два —
Тихое, тонкое.

Нет, не волненье, не грусть-полугрусть —
Жизнь недопевшая...
Слышишь, как, торкаясь, просят в грудь
Дни облетевшие?

Вовсе не глухи, не глухи они, —
Немы лишь, немые лишь.
А на всем свете — одни мы, одни,
Озеро Немереж...

РОДИНА

Здесь щемяще, высоко, обрывно;
Здесь легко, заступив за черту,
С тополями лететь неотрывно
На ту сторону грусти, на ту!

И узнать, что там воздуха нету;
И отдать все, до вздоха, тоске,
И поплыть через бездну на эту
На сухом тополином листке...

* * *

Месяц-сазан дремлет меж камышовых мереж...
Ангел собирает со тьмы золотой виноград...
Кто-то ведет поперек человеческих меж
Край мирозданья, что тонок и зеленоват...

Розное станет пред этой чертою — одним.
Вот и костер умирает — гляди! — как живой:
Пламя скулит, и в былое вжимается дым, —
И обрастает ветвями, корой и листвою!

Дым мимолетный — а ведь не истек, не исчез,
Не запропал меж ночных омутов и стремнин:
Ширясь и ширясь, выходит из времени лес —
И обнимает озябшие плечи равнин...

* * *

Идут твои снега — отсюда ли, сюда ли?
Но вот сюда тебя по кругу привели.
Где прошлое сквозит январскими садами —
От всякого жилья, от всех дорог вдали.

Январские сады и разглядишь не сразу.
Синеют, будто след, что полузанесен.
А в мерзлых почках мир — большой, зеленоглазый,
Сокрытый до поры — о жизни смотрит сон.

Шумерское письмо хранит сорочья наследь.
Но разгадать его — ни времени, ни сил.
И рвется дней кино, и ленту клеит — насмерть —
Вишневый клей, что ты невесть когда скусил.

И на губах еще горчит кора сырая,
Как будто говоря: «Не трожь меня, не трожь!»
Но разве жизнь поймешь... И, горечь с губ стирая,
Невольню все слова привычные сотрешь.

Но можно ведь сказать — сорочьими следами...
Пусть не поймет словарь, зависнет весь Инет.
И станет все, чем жил, январскими садами,
Чтоб там, где нет дорог, как чей-то след синеть.